

Как государство вторгается в частную ЖИЗНЬ

О книге Себастьяна Хафнера «История одного немца»

Обложка книги Себастьяна Хафнера «История одного немца»

11:28, 28 февраля 2024,

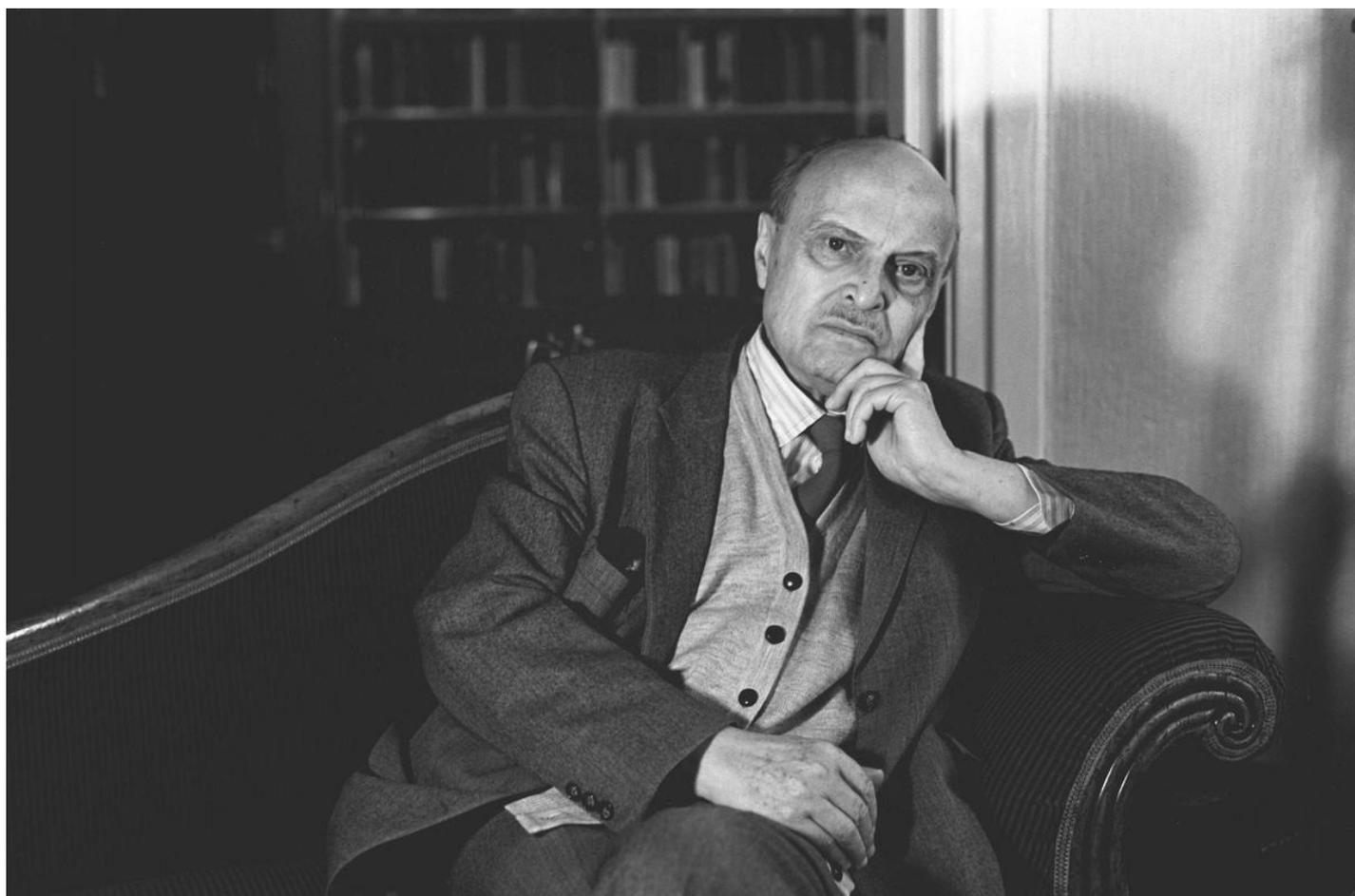
Виктория Артемьева

Спор о том, каждый ли гражданин страны виноват в том, что происходит в его государстве, не затихает давно и не затихнет долго, — но предмет спора должен быть подкорректирован. Виноваты все быть не могут — зато все могут нести ответственность. Про эту личную ответственность каждого за общие глобальные катастрофы рассказывает книга Себастьяна Хафнера «История одного немца» (СПб, «Иван Лимбах», 2017), которую мы сегодня и перечитаем.

Сюжет книги вполне полноценно сформулирован в ее названии: это действительно история одного (и в смысле «конкретного», и в смысле «одного из», самого обычного) немца, которому пришлось пережить Первую мировую, приход к власти нацистов, а потом и Вторую мировую войну.

Это самая обычная биография самого обычного молодого клерка, который просто хотел прожить свою обычную жизнь, но в нее вмешалась большая история.

Себастьян Хафнер. Фото: imago stock&people

Зачем пытаться описывать исторические события глазами посредственности? Хафнер пишет, что его интересовали «те душевные движения, реакции и превращения, которые, будучи синхронными и массовыми, как раз и сделали возможным существование Третьего рейха Гитлера и ныне образуют его невидимый фундамент». Иначе говоря, рассказывать историю одного надо для того, чтобы понять, как стала возможна история многих. А возможной она становится всегда одинаково: все начинается с того, что общее государство вторгается в частную жизнь.

По Хафнеру, государство может управлять частной жизнью двумя путями: через внешнюю войну, за которой все общество следит с одинаковым вниманием, и через внутреннюю диктатуру, при которой личного пространства не может быть априори. Внешняя война имеет одну главную опасность для психики нации, которая ее ведет: вдалеке от линии фронта война выглядит привлекательно. Привлекательной ее делает

несколько факторов:

- Во-первых, война в том виде, в котором видит ее население страны, — это всегда упрощение. Это всегда деление на черное и белое, плюс «правильные» факты, плюс «правильно» расставленные акценты. Все это вместе лишает необходимости анализировать, искать противоречия, дарит ощущение упорядоченности и подконтрольности — то есть всего того, что обычная жизнь дать не может. Упрощенная до детскости подача, которой сервируют войны все правительства всех времен, делает ее борьбой двух команд, за которых надо болеть. Население, следящее за ней по сводкам, может воспринимать ее как игру: столько-то убитых, столько-то раненых, столько-то объектов уничтожено — столько-то очков в нашу пользу. Адреналин и азарт без риска для жизни — что может быть приятнее.
- Из этого первого фактора следует второй: адреналин и азарт делают жизнь обычного человека осмысленной. Он больше не передвигается в сомнамбулическом состоянии между семьей, работой и выгулом собаки. Теперь он в центре мировых событий, на его глазах творится история, выковывается великая нация и прочие приятные метафоры. Пустоту и бессмысленность собственной жизни человек заменяет мнимой осмысленностью сражений и побед — и, как у Хафнера, плохо себе представляет, чем он будет жить, если война вдруг закончится.

Германия. Дрезден. 1945 г. Жители во время возвращения в разрушенный город после окончания эвакуации в ходе Второй мировой войны. Фото: Марк Редькин / ТАСС

«Я не представлял себе день без фронтовых сводок. Такой день лишил бы меня самого главного удовольствия. Что он мог предложить взамен? Мы шли в школу, нас учили писать и читать, позднее учили истории и латыни, мы играли с друзьями, гуляли со своими родителями, но разве это было подлинным содержанием жизни? Жизни придавало остроту, а каждому дню особую, свойственную только ему, краску то или иное событие на фронте; если шло мощное наступление и газеты помещали пятизначные цифры пленных солдат и список захваченных крепостей, с «огромным количеством стратегических материалов», это был

праздник, дававший нескончаемую пищу фантазии; ты жил полной жизнью, как много позже, когда бывал счастливо влюблен».

- Хуже этого может быть только третий фактор: война дает возможность погасить комплекс собственной неполноценности. Пустота жизни может вызывать не только желание ее чем-то заполнить, но и обиду на весь мир: потерпевший неудачу в личной жизни — или на работе, или в творчестве — человек начинает цепляться за любое «зато»: «Я неудачник, зато принадлежу к великой нации, которая противостоит всему миру и сейчас всем навалит». Но такая логика свойственна в основном тем, кто войны никогда не видел в глаза. Хафнер пишет:

«Фронтовое поколение в большинстве своем дало очень мало настоящих нацистов, да и сегодня плодит в основном «нытиков и маловеров», что объяснимо: тот, кто пережил войну в реальности, оценивает ее совсем иначе.

Есть и исключения: вечные солдаты, для них война со всеми ее ужасами осталась единственно возможной формой жизни — и вечные, потерпевшие жизненный крах неудачники, с полным восторгом воспринимающие ужасы и разрушения войны; этим, считают они, отмщено жизни, для которой сами они оказались недостаточно сильными».

По Хафнеру, одной из причин, почему приход Гитлера к власти стал возможен, было именно то, что он пообещал потерянными и уставшими от революции немцам продолжение игры в войнушку со всеми ее бонусами в виде осмысленности и компенсации личных неудач. При этом его появление все равно выглядело тогда почти невероятным — и здесь возникает второй вопрос: как рождается внутренняя диктатура страны, почти всегда сопровождающая внешние войны? Этому способствуют тоже несколько факторов.

- Первый и главный: люди не подготовлены к наступлению будущего. С детства людей воспитывают так, что они оказываются способны идеально прожить жизнь своих родителей, но как вести себя с завтрашним днем — представления не имеют. Они знают, как выглядит зло, — но это зло вчерашнего дня. Они знают, где нужно подстелить соломку, чтоб не упасть, — но ландшафт давно уже поменялся. Единственный способ с этим бороться — перестать готовить детей к той жизни, которая уже прожита.
- Во-вторых, слишком многое в жизни вообще не принято ставить под вопрос. Хафнер пишет, что на пути к власти нацисты в своей риторике оперировали базовыми понятиями, которые разумелись сами собой: великая нация, «с нами Бог», патриотизм. Никто не пытался докапываться до того, что за всеми этими понятиями стоит — ведь все и так очевидно.

«Поэтому далеко не каждый в Германии, кто стал нацистом, ясно осознавал, кем он на самом деле стал. Возможно, он полагал, что вступил в партию, которая борется за национализм, за социализм, против евреев, за реванш 1914–1918 годов; большинство этих людей

втайне радовались новой социальной авантюре и новому 1923 году — но все это они мыслили в «гуманных» формах, свойственных «культурному народу».

Многие сторонники нацизма были бы всерьез напуганы, если бы их спросили <...>: согласны ли они на государственную организацию погромов, или на создание постоянно действующих государственных пыточных камер? Еще и сегодня встречаются нацисты, которые делают испуганные глаза, когда им задают подобные вопросы».

- Еще один фактор, выстилающий перед диктатурами красную дорожку к трону: основная часть населения вообще не понимает, чего хочет. Люди не имеют четких политических убеждений, требований, желаний. Да что там основная часть населения — основная часть политических активистов часто не имеют четкой программы и четких планов. Пустота призывов за все хорошее против всего плохого и топтаний по площадям заполняется, как уже было сказано, образами великой нации богоносцев, а параллельно — репрессиями и систематическими запретами. И инструменты для борьбы с этой пустотой обычно бывает не найти.
- Четвертый фактор: когда случается катастрофа, в первый момент никто не хочет обращать на нее внимания, а потом становится уже поздно. Поначалу все всегда выглядит так, как будто ничего не случилось: переполненные рестораны, бары, кинотеатры, кафе, «танцующие пары в садах и на танцплощадках, беззаботно фланирующие по улицам горожане, молодые люди, беспечно загорающие на пляжах». Атмосферу катастрофы чувствует только активная (и поэтому

всегда небольшая) часть населения, но мало что может сделать.

Жители Берлина в очереди за водой во время Второй мировой войны. Фото: Евгений Халдей / ТАСС

«Нацисты в полной мере использовали этот фасад в своей пропаганде: «Приезжайте и посмотрите на нашу нормальную, спокойную, веселую страну. Приезжайте и поглядите, как хорошо у нас живется всем, даже евреям». Тайный запах безумия, страха и напряжения, жизни одним днем, макабрическое веселье танца смерти, — всего этого увидеть было нельзя, как нельзя было, разглядывая гигантскую рекламу бритв (она и сегодня висит в берлинском метро), на которой сиял победной улыбкой роскошный парень («Хорошо побрился — вот и развеселился!»), увидеть печальную судьбу весельчака, которому напрочь сбрили голову гильотинным ножом во внутреннем дворе тюрьмы Плётцензее по обвинению в государственной измене или как это там у них называется».

В таких условиях часть людей всегда пытается спрятаться в раковину и сказать, что мелочи жизни вроде смерти политического заключенного в тюрьме никак не влияют на их мир с кафе, работающим без выходных до полуночи, и с шоппингом по выходным.

Плохо то, что, когда начинает влиять, сделать обычно уже ничего нельзя. В основном люди боятся нести ответственность за то, что происходит за стенами их домов. И этот фактор становится самым сильным катализатором всех мировых катастроф.

Ну и последний фактор. Когда на смену «еще рано» приходит «уже поздно», начинается паника. Проявляется она по-разному. Кто-то заламывает в отчаянии руки и вопит, что борьба бессмысленна. Это путь тупиковый по очевидным причинам. Кто-то предпочитает отключить мозг и просто верить в то, что рейхстаг подожгли коммунисты, а политических заключенных убивает Запад. Иногда таких людей еще можно вернуть к полноценной интеллектуальной жизни — но редко. Кто-то пытается смотреть на все с высоты своего высшего образования и говорить, что настолько грубый и тупой режим не может просуществовать долго, — таких людей переубеждает время.

А кто-то, как Хафнер, руководствуется девизом Стендаля, который он сформулировал в качестве программного после исторического события, которое воспринял как «падение в дерьмо» (после Реставрации 1814 года): «сохранить свое «я» святым и чистым». Судя по автобиографии Хафнера из перечитываемой нами книги, этот путь в конце концов ведет к нарукавной повязке со свастикой, маршированию нога в ногу и воинским званиям в доблестных войсках. Потому что во

времена великих катастроф просто стоять в сторонке рано или поздно становится невозможно.

Хафнер не дает ответа на вопрос, что делать, если катастрофа уже произошла. «История одного немца» — это протокол, а не нравоучение. Может быть, единственным выходом из ситуации, в которой катастрофа уже случилась, будет самоорганизация, объединение с единомышленниками, разработка четких стратегий и отсутствие страха. Но все это, конечно же, опять удел активной части населения. Что делать остальным? По Хафнеру, помнить, что за все события в «нашей» жизни несут ответственность конкретный «я», даже если конкретный «я» ни в чем не виноват. И что «настоящее историческое событие всегда проявляется как частное, личное переживание тысяч и миллионов одиночек».

Фото: DPA / TASS

ЦИТАТА

Себастьян Хафнер «История одного немца»:

В ближайшие дни я за невероятно короткое время усвоил невероятно много нового. Семилетний мальчик, который недавно понятия не имел о том, что такое война, не говоря уж о таких вещах, как ультиматум и мобилизация, вскоре уже знал о войне (как если бы всегда знал) не только «что», «как» и «где», но даже и «почему»; знал, что в войне повинны французская жажда реванша, английская зависть и русское варварство, — теперь я с легкостью выговаривал все эти слова. В один прекрасный день я начал читать газеты и поразился тому, с какой легкостью все там понимаю. Мне дали карту Европы, и с первого взгляда на нее я понял, что «мы» запросто разделаемся с Францией и Англией, но испытал смутный ужас перед огромностью России, однако же позволил успокоить себя тем, что устрашающая многочисленность русских ничего не значит при их невероятной глупости, распущенности и беспробудном пьянстве. Я шпарил наизусть — причем, повторяюсь, с такой скоростью, будто всегда их знал, имена военачальников, данные о численности и вооружении армий, водоизмещении флотов, я помнил расположение важнейших крепостей, линии фронтов — и очень скоро понял, что здесь разворачивается интереснейшая игра, что жизнь стала куда ярче, напряженнее, волнительнее, чем прежде. Мое воодушевление и мой интерес к этой игре не ослабли до горького ее завершения.

В этом был повинен — воздух; безымянное, осязаемое

всеми порами всеобщее настроение; водоворот массового единства, одаривавший каждого, кто в него бросался (будь это даже семилетний мальчик), неслыханными эмоциями; того же, кто оставался вне этой стремнины, душил вакуум одиночества.

Охваченный наивной страстью, без тени какого-либо сомнения или конфликта, тогда я впервые ощутил воздействие странного дара моего народа — впадать в массовые психозы. (Этот дар, наверное, является компенсацией малой одаренности немцев в том, что касается индивидуального, личного счастья.) Мне не приходило в голову, что исключить себя из такого радостно-всеобщего беснования вообще возможно.

Для меня имела значение лишь завораживающая привлекательность военной игры, той, в которой число пленных, захваченные территории, завоеванные крепости и потопленные суда — все равно что голы в футболе или очки в поединках боксеров. Я и мои товарищи играли вот так всю войну, четыре долгих года, безнаказанно и беспрепятственно — и эта игра, а отнюдь не безобидная игра в «войнушку», которой мы баловались на улицах и во дворах, была тем, что оставило во всех нас свои опасные следы.

Наверное, если бы речь шла о единичном случае, не стоило бы подробно описывать, как, разумеется, неадекватно, реагировал на мировую войну ребенок. Однако то был вовсе не единичный случай. Так или примерно так в детстве или в ранней юности восприняло войну целое поколение немцев; и что особенно важно: именно это поколение готовит сейчас новую войну.

Душа масс и душа ребенка в своих реакциях очень похожи. Для того чтобы стать движущей силой, большие, серьезные идеи должны опроститься буквально до детского уровня. Сложившееся в детстве, а затем в течение четырех лет вколачивавшееся в мозги совершенно фантастическое представление о войне может спустя два десятилетия превратиться в смертельно опасное мировоззрение большой политики.

Война как великая, вдохновенно-волнующая игра народов, способная одарить более глубокими переживаниями и более сильными эмоциями, чем все, что может предложить мирная жизнь, — таков был с 1914 по 1918 год ежедневный опыт целого поколения немецких школьников; это и стало основой позитивного образа нацизма. С этим связана неотразимая притягательность войны как игры: простота, активизация фантазии и желания действовать; отсюда же нетерпимость и жестокость по отношению к политическим противникам; впрочем, тех, кто не желает играть, считают даже не противниками — к ним относятся как к вредителям, срывающим интересное состязание. И наконец, из этого естественным образом вырастает враждебное отношение к любому соседнему государству: потому что любое из подобных государств воспринимается не как «сосед», но как враг *volens nolens* — ведь в противном случае игра вообще не состоится!

Очень многое позднее содействовало нацизму, а также модифицировало его сущность. Но здесь, в этом детском переживании, лежит его исток — именно не во фронтовом опыте немецкого солдата, а в переживании далекой войны немецким школьником.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Не подчиняйтесь заранее и верьте в истину, поскольку ее можно убить](#)

О книге Тимоти Снайдера «О тирании. 20 уроков XX века»

17:45, 21 октября 2023, Виктория Артемьева

[Шаблон памяти](#)

О книге Джеймса Верча «Как нации помнят. Нарративный подход»

18:00, 18 ноября 2023, Виктория Артемьева